

Солженицын против евреев?

Выдержки из второго тома труда Солженицына "Двести лет вместе" появились в Интернете. Текст производит странное, двойственное впечатление. Во-первых, Александр Исаевич всегда резал правду-матку в глаза, рубя сплеча, а тут вдруг уклончивость, недоговоренность, срывы, спотыканья, пунктуация нервная, чтобы не сказать истеричная, - но кто же посмеет Солженицына править! Изобретаемые на свой лад, коверкающие русский язык словечки: что-то, напоминающее маловнятную речь insultника. Неожиданная ассоциация: Ленин в Горках, "Телец" Сокурова. Видимо, не случайно, чутье подсказало, и после "Тельца" Сокуров сделал фильм-интервью с Александром Исаевичем.

Читаешь и думаешь: до чего доведен старый, исстрадавшийся, одинокий человек. Добровольное, своевольное отшельничество в Вермонте обернулось изоляцией при возвращении на родину. Его жалко, что никак не вяжется с всемирно известным образом аскета, лагерника, бесстрашного борца с режимом. И конечно, при теперешней публикации он сам жалость вызвать не рассчитывал. Между тем она возникает невольно, вместе с растерянностью, при знакомстве с новой работой классика.

Видимо, он, отменный стрелок, на сей раз промахнулся, хотя прежде всегда отличался зоркостью, меткостью, а иными словами - безупречной правдивостью. И вдруг осечка. Чувство неловкости у читателя. Но и сам Солженицын, пожалуй, некую неуверенность ощущал. А поскольку такое случилось впервые, напирал, наступал по привычке, вместе с тем петляя, след оставляя не волка - вожака стаи, а зайца, которому погоня мерещится.

Впрочем, всем, кто касался когда-либо национальных вопросов, приходилось держать, что называется, ухо остро, если не обнаруживая, то изображая деликатность. Даже большевикам, при их обычном-то хамстве, грубости. И Ленин тут юлил, и Троцкий, и все ихние идеологи "интернационализма". И, верно, чтобы вконец не запутаться, национальное решено было упразднить, заменить классовым.

Как ни крути, общежитейское правило существует: свои могут ругать своих, и это не будет воспринято ни отступничеством, ни предательством, а так, внутрисемейной ссорой. Но в чужое не лезь, не тронь. Муж, высказав все сполна жене, услышав то же самое в ее адрес от соседа, развернется и вмажет ему по физиономии, если он нормальный муж. А на голошение соседское, что-де такое мнение объективно, подтверждено фактами, - нагонит и еще добавит.

Ошибка Солженицына, может быть, в том, что к истории еврейства, роли евреев в период революции, а так же при строительстве социализма "в отдельно взятой стране" он решил подойти с позиции якобы не эмоциональной, а рассудочной, взвешенной, научной, о чем должна была свидетельствовать лавина цитат. И сам себя перехитрил.

Русские люди, не секрет, осерчав, обиды свои выплескивают на евреев, кроя их матом. Ну, традиция что ли, с которой обе стороны если не примирились, то обвыклись. А вот когда демонстрируется иной подход, когда к наболевшему, сплетенному в узел, приближаются со скальпелем, с прищуром естествоиспытателя к подопытным, возникает протест. Тебя звали, тебя принуждали? Так зачем ты суешься!

Солженицын, подчеркнуто трезво, опираясь на документы, берет на себя смелость составить список - отнюдь не Шиндлера из фильма Спилберга - "плохих" и "хороших" евреев, полагая, видимо, что без таких вот его подсказок сами евреи не разберутся, кого из своих соплеменников им уважать, а кого презирать. С дотошностью аптекаря взвешивает процентное содержание той или иной крови в знаковых, исторических личностях, и сам же ставит диагноз: этот-де русский, хотя в предках калмыки, татары, немцы, а этот, пусть и полукровка, все-таки еврей. Не предполагает, а констатирует. Судит. Хотя все же не ясно - кого?

То, что в его списке "плохих" евреев значительно больше, чем "хороших", понятно. Нет, не потому, что Солженицын - антисемит. Но он всегда раскрывал нам глаза на то, чего мы не знали. "Хорошие" евреи - эка невидаль! Куда ни глянь, в искусстве, литературе, науке, технике, медицине - вона их сколько, прославивших свои имена. А "плохие" оказались в забвении, что неправильно, несправедливо, с его, Солженицына, точки

зрения. Уж что-что, а логика ему не изменяет, знает, куда ведет. Евреи, притворившись нацией жертв, на самом-то деле были и палачами, один их Троцкий чего стоит. Цитирую: "Забылись. Голова закружилась." И, мимоходом, что немцы в грехах гитлеризма покаяться, а евреи своих, люютующих в статусе комиссаров, чекистов, в рядах собственных скрывают или же, что не лучше, отрекаются от таких".

Солженицын приводит высказывания крупных авторитетов, историков, философов, религиозных деятелей, но и у них, по крайней мере в том, что он цитирует, разброд царит. Прежде всего, неясно, кто они - евреи? То бишь как, по каким критериям их распознавать. Пастернак, к примеру, чистопородный еврей, а чувствовал себя, как сам говорил, русским - как так?! Религия? Но я знаю vykpecтoв, исправных прихожан православных церквей, между тем они себя соотносят не с русскими, а с евреями. Язык? Тут вообще концов не найти. Так за что зацепиться?

Остается предположить, что осознание принадлежности к еврейской нации возникает при гонениях, преследованиях. А уж тут, по невзгодам обрушивающимся, судьба этого народа с другими несопоставима. Да, избранничество. Завидуете?

Солженицын, с присущей ему прямоотой, считает: с евреев надо спрашивать, как и со всех прочих. Грешили - покайтесь. Но к покаянию разве возможно принуждать? Покаяние - личностная потребность, укорененная в памяти. А память всегда избирательна - и у народа, и у индивидуума. Евреи не хотят, не могут забыть Холокост. Их право, они за него сполна заплатили. Так может быть, лицо нации именно в этом? В способности не прощать, но не мстить, горевать, но не плакаться, рассчитывать только на себя, стараясь выжить в любых обстоятельствах, любых условиях.

Но другой вопрос всплывает: с чего вдруг Александру Исаевичу Солженицыну евреи дались? Ради них что ли он из Вермонта на родину вернулся? Так в Штатах их куда больше, чем в России осталось, к тому же в классических образцах, с пейсами, бородами, посещающих по субботам синагоги. Там бы, на конкретном, так сказать, материале и изучать их привычки, традиции, психологию, менталитет, если уж так наболело, задело - чужое, другое, не ваше ведь, Александр Исаевич.

А если догадка? Евреи-то ни при чем. Солженицын в труде своем не о них размышлял, не их вовсе имел в виду. Иносказание, уловка. Старый лагерник-конспиратор нам, читателям, шифровку подкинул, продолжая на самом-то деле то, о чем думал и писал всегда, и в шараге, и в эмиграции. О своей стране, о своем народе, его судьбе, его характере, беде, вине - ну о том, короче, чему отдал жизнь. И в чем по накалу ему равен еврей, выхлебнувший с клекотом в горле бессмертное: Россия, Лета, Лорелея.

Нет, Солженицын себе не изменил, не отклонился, не отвлекся. И не утратил зоркости. Не прошлое, а то, что сейчас, в данный момент происходит, сжало изношенное сердце, пресекло дыхание. Свои снова уничтожают своих. Как когда-то в семнадцатом расколота нация на потерпевших и победивших, не иноземцев отнюдь, а той же крови, с рабским замесом. Раб, получивший господские привилегии, беспощаден, алчен особенно. А толпа, озверевшая от безнаказанности погромов, с помраченным рассудком, скопом кидается за любым, лишь бы ее вели куда-то, хоть в бездну.

Лепет - покайтесь - к ним, вот к таким обращен. Как последний завет. Возвращаясь на родину из изгнания, Солженицын, может быть, и имел амбиции если не лидера нации, то духовного ее пастыря. А места ему не нашлось, никакого. Не нужен. Ссылка, отшельничество. Вокруг только сосны от ветра гудят, вековые, мачтовые. Там Сокуров его навестил, снял фильм. Показал кабинет писателя, его самого за работой, над рукописью согбенного. Что он там выводит, мелким почерком, приученный в тюрьмах, ссылках экономить бумагу? Знакомо: мой дед, при царе в Сибирь сосланный, всю оставшуюся жизнь писал на клочках, салфетках, газетных полях. Не проходит, не уходит, вонзается намертво в мозг, в душу.

Когда, при Хрущеве, литература, условно, лагерная, эжовская вышла из подполья, явились два полюса, две их олицетворяющие фигуры: Солженицын и Шаламов. Братья по выстраданному, пережитому, оппоненты в его осмыслении, трактовании. Солженицын, продолжая исконно русскую традицию, утверждал, что страдания очищают, возвышают. А по Шаламову - никаких иллюзий. Знал, испил. В его рассказах разница между человеком и животным не бетонированной стеной оказывалась, а пленкой, которую рушить не надо, достаточно проткнуть. Не специальным каким-то орудием, а просто пальцами, вонзаемым в глазные яблоки пытаемому, или в глотку, или еще куда. Изобретения инквизиции - приверженность правоверных католиков к пышным ритуалам. "Испанский сапог", дыба - надуманность. Средства после нашлись и проще, и радикальней. Их испробовали вовсю. Двадцатый век, рационализация.

Если даже физические муки прекращаются, душа продолжает содрогаться. Не ширясь, а съеживаясь. Ком

неизжитой боли: не троньте, не подходите - закричу. Так думал, с этим умер Шаламов. Солженицын его пережил. И познал горечь изгойства, одиночества. В ГУЛАГе, с сокамерниками было о чем поговорить. На нарах тогда с ним соседствовала элита, не только отечественная, но и всемирная. Какие фигуры, какие яркие личности! - о них он нам и поведал. Фронтовик, в капитанском чине, к изыскам культуры до того не приобщенный, проходил университетский курс у лекторов, знатоков, специалистов высочайшего класса. Вот от кого он, видимо, получил колоссальный заряд: спасти, донести, на волю сообщить, передать ценности, им впитываемыми изустно от погибающих от голода, цинги. И те, кто еле дышал, выбор свой сделали безошибочно. Солженицын свою миссию досконально, по военному четко исполнил.

Творец? Фиксатор? Гений? Летописец? Но уж бесспорно - титанический труженик. Без природного обаяния, артистическим натурам свойственного, но и без присущего им же притворства, лукавства, по-офицерски, а, точнее - по-солдатски, тачку, груженую непосильно для других каторжников-доходяг, он, Исаич, таки доволок.

Ожесточился? Держался, терпел и прорвало: евреи!

И вы правы, Александр Исаевич. Пусть вслепую, но точно нащупали: евреи - ваша тема. Страдания, отщепенство, гордыня, неумолчная боль от потерь - эта Песнь, начатая в унисон и разросшаяся в хор. Так встанем рядом, сплотимся? Или - нет?

Н.Кожевникова

Автор: Артур Скальский © Русский журнал ОБЩЕСТВО, МИР 👁 5749 21.01.2003, 12:08 ↻ 289

URL: <https://babr24.com/?ADE=5606> Bytes: 10387 / 10364 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)